

18+

Серафим Степанович Юрашевич

*Записки
церковного
клерка*

Серафим Юрашевич
Записки церковного клерка

«Издательские решения»

Юрашевич С. С.

Записки церковного клерка / С. С. Юрашевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981236-0

В основу книги автобиографического характера легли впечатления от работы в Отделе внешних церковных сношений и в канцелярии Орловской епархии РПЦ. Среди персонажей произведения — Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (Ридигер), митрополиты Антоний (Блюм), Филарет (Вахромеев), Каллистос (Уэр), архиепископы Феофан (Галинский), Михаил (Мудьюгин), протопресвитер Виталий Боровой, игумен Петр (Кузовлев), протоиереи Феодор Повный, Михаил Рар, генерал-гекачепист, подполковник КГБ и многие другие.

ISBN 978-5-44-981236-0

© Юрашевич С. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Минская Духовная семинария	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Записки церковного клерка Серафим Степанович Юрашевич

© Серафим Степанович Юрашевич, 2020

ISBN 978-5-4498-1236-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Воспоминания церковного клерка
(публикуется с сокращениями)**

Предисловие

Бумажный кораблик быстро скользил по холодной талой воде, затем, развернувшись поперек течения, остановился. Был один из ярких мартовских дней 197... года. Ледяное ложе ручья влажно блестело в лучах полуденного солнца. Капли воды неслышно, медленно спадали с черных веток сирени. Осторожно, с хрустом ступая по заледеневшему снегу, огибая проталины, я подошел к ручью, березовым прутиком подтолкнул застрявшее судно. Увлеченное быстрой водой, оно исчезло под сугробом серого зернистого снега. Проводив его взглядом, я поднял глаза и посмотрел на юго-восток. Там, в нескольких километрах, за железной дорогой, за черным весенним лесом, тихо несла свои воды река. Я подумал: «Жаль, что ручей не достает до Оки. Оттуда кораблик мог бы доплыть до Волги, затем, по Волго-Донскому каналу до Азовского, Черного и Средиземного морей, а там уже Гибралтарский пролив и рукой подать до Атлантики».

[...]

Годом раньше, во время летних каникул, в мои руки попал школьный учебник физики одной из моих старших сестер. Листая его, я обратил внимание на раздел, посвященный четырехтактному двигателю внутреннего сгорания. Последний произвел на меня завораживающее впечатление. Мои познания в технике были в то время невелики: пытаюсь в чем-то разобраться, я обратился к старшим. Мне указали на «Детскую» и «Малую Советскую» энциклопедии из нашей домашней библиотеки. Разобравшись с автомобильным двигателем, я стал читать все подряд: журналы «Здоровье», «Курьер ЮНЕСКО», «Наука и жизнь», «Огонек», «Работница», «Техника – молодежи», «Юный натуралист», польский журнал «Kobieta» («Женщина»). Читал жадно, поначалу бессистемно, много. Со временем сюда добавились «Журнал Московской Патриархии», трактаты Аристотеля, комментарии к диалогам Платона, академические исследования по античности, исторические романы Антея Ладинского и Семена Скляренко. Сделав домашнее задание, я спешил к любимым книгам по химии, физике полупроводников, тюркологии, истории Древнего мира, Средневековья, путешествиям. Живой интерес у меня вызывали производство булатной стали, финифти и фарфора, земледелие, радиодело, пиротехника. «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет» были перечитаны не один раз. В «Слове о полку Игореве», например, меня очаровали «ножи засапожные» и то, как автор сравнивал скрип половецких кибиток с лебединым криком. По рисункам из средневековых хроник я собрал макет половецкой повозки с загнутым вперед «хоботом» дымохода. На диски колес пошел ствол распиленной поперек рождественской елки, оглобли были сделаны из сосновых палочек, каркас крыши – из гибких прутиков ивы, вместо войлока обтянутых белым ситцем. Детали соединялись гвоздиками и поливинилацетатным клеем. Тогда же была приобретена привычка ведения записей в блокнотах, где нашлось место половецким и печенежским ханам, электрическим схемам, чертежам кумулятивных снарядов, рецептам взрывчатых смесей. В другой раз я загорелся идеей создания лазера на основе синтетического рубина. По детской наивности я полагал, что рубиновый стержень можно изготовить без специального оборудования, в кустарных условиях, простым сплавлением железной окалины и алюминиевой пудры. Полученную таким образом окись алюминия я собирался окрасить в розовый цвет солями хрома из абразивной пасты ГОИ, запалом термитной смеси должна была стать магниевая проволока.

Привычка чрезмерного, на пределе человеческих возможностей, умственного труда сохранилась у меня на протяжении всего последующего времени. В армии, во время карательной службы, я, в нарушение устава, проносил на боевой пост сборник рассказов Борхеса и учебники военных академий. В Минской Духовной Семинарии я не давал себе покоя даже на клиросе, урывками читая во время пауз в церковном пении. Как правило, это было Священ-

ное Писание на латыни, греческом или английском, иногда – англоязычный требник издания Антиохийского Патриархата. Регент, игумен Петр (Бирюков), поначалу раздраженно на меня косился, потом махнул рукой:

– Ладно, если это не в ущерб пению, читай!

Во время многочисленных поездок с семинарским хором по приходам Новогрудской епархии я занимался тем же. Устроившись поудобнее на сиденье микроавтобуса, я открывал блокнот и заучивал тексты английских и латинских молитв: *Dignum est* (Достойно есть), *The eyes of all look to You, O, Lord* (Очи всех на Тя уповают), *Look down from heaven, O, God* (Призри с небесе, Боже). На протяжении многих лет моими настольными книгами были сборники научных трудов Тартуского государственного университета (Эстония), один из которых я заказал по почте, будучи еще военнотружущим срочной службы.

Минская Духовная семинария

Связи моих родителей с Минском имеют достаточно давнюю историю. В 50-х годах прошлого столетия в Орле поселилась монахиня Ювеналия (Гракович), бывшая в свое время келейницей архиепископа Минского и Белорусского Мелхиседека (Паевского) (годы жизни 1879—1931). Об обстоятельствах ее появления в Центральной России мне ничего не известно. Допускаю, что она оказалась одной из тех, кто покинул Белоруссию на волне массовых преследований Церкви, организованных первым секретарем ЦК КПБ П. М. Машеровым.

Жила монахиня Ювеналия в тихом переулке неподалеку от Ахтырского Кафедрального собора, где, на протяжении нескольких десятилетий, трудилась старшей алтарницей. Будучи подростком, я, в сопровождении отца, часто бывал в ее небольшом ветхом доме. Отец, протодиакон Стефан, как трудолюбивый, мастеровитый человек, часто помогал ей с ремонтом. В гостиной, где обычно проходили наши беседы, было много старинных золоченых икон, фотографий священников и монахинь. За давностью лет лица ее не помню. Была она небольшого роста, ходила согнувшись, в черном подряснике. Пользовалась большим уважением тогдашних орловских Преосвященных – архиепископа Иеронима (Захарова) (годы служения на Орловской кафедре – 1956—62), митрополита Антония (Кротевича) (1962—63), митрополита Палладия (Шерстенникова) (1963—1976), архиепископа Глеба (Смирнова) (1976—88). Время от времени ее навещали гости из Белоруссии – гомельский протоиерей Петр Повный с сыновьями и сотрудница Минского епархиального управления Тамара Владимировна Станкевич. Последняя, дальняя родственница монахини Ювеналии, иногда появлялась в Орле с братом – Александром. В один из таких визитов, осенью 1988 года, Т.В.Станкевич остановилась у нас переночевать.

Был конец недели. Я вернулся домой на выходные из Новосилия, небольшого городка на востоке Орловской области, где находился в служебной командировке. Темнело. Погода стояла сумеречная, прохладная. Под ногами мягко шелестели желтые листья. Отворив дверь, увидел, в окружении своих родственников, незнакомку лет сорока. Оказалась, что это Тамара Станкевич, заведующая канцелярией Белорусской Экзархии, о которой мне прежде рассказывала сестра. Застольная беседа, к которой я присоединился, показалась мне весьма интересной. По сути, эта была не беседа даже, а увлекательный монолог хорошо информированного человека, который не один год проработал в епархиальном управлении двухмиллионного столичного города. Непосредственным руководителем Т.В.Станкевич был митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), который по совместительству возглавлял Отдел внешних церковных сношений и входил в состав Священного Синода. За время его руководства Белорусской Церковью Минское епархиальное управление фактически стало филиалом ОВЦС. Там часто гостили иностранные христианские делегации, в том числе самого высокого уровня – до предстоятелей Поместных Православных Церквей. В Свято-Духовом Кафедральном соборе Минска регулярно совершались хиротонии епископов для заграничных епархий Русской Православной Церкви. Белорусское духовенство пользовалось преимуществом при заполнении вакансий на русскоязычных зарубежных приходах в Западной Европе, Канаде и США.

Через какое-то время гостя уехала, а я вновь приступил к своим служебным обязанностям старшего бухгалтера-ревизора. По выходным я продолжал посещать Ахтырский Кафедральный собор, где на общественных началах трудился иподиаконом епископа Орловского и Брянского Паисия (Самчука). Как-то, после богослужения, последний, со свойственным ему западно-украинским акцентом, спросил:

– Будешь поступать в семинарию?

– Будет на то воля Божия и Ваша, Владыка, – ответил я, – поступлю!

В январе 1989 года, не без грусти, но с надеждами на будущее, я оставил государственную службу. Помню, что 31 января, в мой последний рабочий день в тресте «Агропромдорстрой», снега почти не было. В окна моего кабинета пробивался серый, зимний сумеречный свет.

1 февраля я приступил к церковной работе в Ахтырском Кафедральном соборе и стал готовиться к вступительным экзаменам в духовную семинарию. Настоятелем собора в то время был протоиерей Николай Сапсай. Выходец из Украины, выпускник Московской духовной академии, он, бесспорно, был талантливым человеком. Не знаю насколько профессионально, но внешне уверенно дирижировал церковным хором. Говорил пусть и не слишком ученые, но достаточно яркие и эмоциональные проповеди. Хорошо знал архиерейское богослужение, но не умел элементарных вещей, например, не мог окрестить ребенка. Был он среднего роста, полноват, с крупной головой на короткой шее. Носил небольшую бородку. Даже по современным меркам неплохо одевался, имел репутацию состоятельного человека. Рассказывали, что под Киевом у него был загородный дом с автомобилем «Лада». Помню его в пальто из темно-красной скрипящей кожи, когда он, эмоционально взмахивая рукой, за что-то отчитывал регента архиерейского хора. Подчиненные его боялись. [...] Из его сокурсников по академии могу назвать архиепископа Орловского и Брянского Варфоломея (Гондаровского) (+1988), о котором упоминает в своей книге «Две встречи» архиепископ Василий (Кривошеин), известного московского протоиерея Геннадия Бороздина и ктитора Богоявленского (Елоховского) Патриаршего собора Н.С.Капчука (+2018).

[...] В июне 1989 года я и еще один иподиакон Кафедрального собора – Олег Перевалов – подошли к настоятелю:

– Отец Николай, пожалуйста, напишите нам характеристики для поступления в семинарию.

Тот недовольно поморщился, но согласился. Прошло несколько дней. Стоял теплый, светлый июньский вечер. Только что окончилось субботнее богослужение. Во дворе собора меня окликнули:

– Серафим, я даю тебе положительную характеристику. Знаешь, в чем ее суть?

Я смиренно потупился:

– Нет, отец Николай, не знаю!

Собеседник поднял к небу указательный палец:

– Да поможет тебе Господь в твоей учебе!

Немного оттаяв, священник улыбнулся:

– Ты ведь поступаешь в Московскую семинарию?

– Нет, отец настоятель, в Минскую!

Улыбка быстро сошла с его лица:

– Как, почему в Минскую?

Для меня до сих пор остается загадкой столь странная реакция влиятельного орловского протоиерея. [...]

Весной 1989 года Т.В.Станкевич сообщила, что в Жировицком Свято-Успенском монастыре открывается Минская духовная семинария, а в августе, собрав необходимые документы, я уже был там. Перед поездкой в Белоруссию я зашел в епархиальное управление. Подписав рекомендательное письмо, епископ Паисий посмотрел на меня:

– Учись хорошо, не ударь в грязь лицом!

Попрощавшись, взяв благословение на дорогу, я отправился к выходу.

– Постой!

Я обернулся. Владыка сидел, опустив глаза, руки его перебирали четки. Помедлив, он сказал:

– Ты поступаешь в семинарию Так вот, не связывайся ни с какими чудаками!

Я понял, что меня предостерегают от вербовочных предложений КГБ.

– Да, Владыка, хорошо. Благословите!

Из Орла в Москву, а затем из Москвы до Минска я добирался самолетом. Уже вечерело, когда воздушный борт приближался к белорусской столице. Переночевав в небольшой квартире Станкевичей по улице Ангарской, утром отправился на автовокзал. Дорога до Слонима, что в двухстах километрах к западу от Минска, заняла три с половиной часа. Погода была ясная, теплая, из окна «Икаруса» открывался вид на ухоженные поля. Слоним оказался небольшим симпатичным городом с чистыми улицами и старинной архитектурой. Еще пятнадцать минут на такси и вдалеке показались белые стены Свято-Успенского Жировицкого монастыря. Поселок городского типа Жировицы или как его еще называют Жировичи, разбросан по нескольким лесистым холмам. Его главная достопримечательность – основанный в XV веке Свято-Успенский мужской монастырь. В первые послевоенные годы здесь, при монастыре, функционировала Минская Духовная семинария. В конце 50-х она была принудительно закрыта.

Захлопнув дверцу такси, я оказался на почти безлюдной монастырской площади. Передо мною возвышался величественный, с большим синим куполом, Свято-Успенский собор. Слева белел многоэтажный монастырский корпус, еще дальше виднелась вывеска какого-то магазина, с другой стороны к собору примыкали большие зеленые ворота. Было послеобеденное время, стояла непривычная для городского уха тишина. Оказавшись на территории обители, я остановил проходившую мимо инокиню:

– Матушка, где приемная комиссия?

Поправив рукой темный головной платок, та указала в сторону Митрополичьего корпуса. Приемная комиссия располагалась в небольшой комнате на его первом этаже. Там меня встретили смуглый черноволосый священник и молодой человек в сером костюме. Первый, священник Сергей Гордун, оказался секретарем Ученого совета, второй, Геннадий Повный – старшим помощником инспектора возрожденной духовной семинарии. Меня попросили предъявить паспорт, расписаться в каких-то бумагах. Заглянув в мою анкету, старший помощник спросил:

– Вы занимались финансовой деятельностью?

– Да.

– Как думаете, что необходимо для укрепления рубля?

– Выпускать больше хороших товаров, – ответил я.

Вечером того же дня, в числе прочих абитуриентов, я поселился в семинарском общежитии. Последнее оказалось длинной светлой комнатой с кроватями в два ряда. Поскольку я приехал в семинарию в числе первых, мне досталось место получше – вдалеке от входной двери и окон. У каждой кровати стояли стул и нехитрая деревянная тумбочка. Невдалеке от входа располагался шкаф для одежды, в углу висела икона. Душевой не было, горячей воды тоже. При виде столь аскетической обстановки мне стало не по себе. К счастью, вопрос с мытьем головы и бритьем удалось решить достаточно быстро. В соседнем хозяйственном магазине я купил две трехлитровых банки, металлическую кружку и большой электрический кипятильник. Несколько минут и у меня было три литра стоградусного кипятка. Разбавляя его холодной водой в другой банке, можно было вполне сносно побриться и, без посторонней помощи, вымыть голову. Такую процедуру я, поднимаясь пораньше, повторял каждое утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.